

Андрей Щуров

Маленькие
ЛЮДИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Щуров

Маленькие люди

<https://litres.ru/74103669>

SelfPub; 2026

Аннотация

Часто бывает так, что жизнь ставит в тупик даже тех, кто мнил себя подготовленным к любому развитию событий. Она не щадит никого, и, стоит только оступиться — тут же бьет под дых.

Герои сборника "Маленькие люди" именно такие. Они получили свой удар. Выдержат ли они его? Изменится ли жизнь, а если да, то к лучшему ли? Вопросы, которые мы каждый день гоняем у себя в голове и мысли, которых мы боимся — между строк этого сборника.

Все герои вымышлены, но их чувства — настоящие. Я не сужу их. Я просто рассказываю их истории.

Содержание

Пяница	4
День XXX	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Маленькие люди

Все герои вымышлены, но их чувства — настоящие. Я не сужу их. Я просто рассказываю их истории.

А.Ш.

Пьяница

В свои пятьдесят три, Дмитрий Семёнович Будыло все ещё слыл среди окружающих «Димоном». Иногда — «Диман». «Дмитрий» — для новых знакомых, но надолго это не задерживалось. Все неизменно скатывались в панибратство уже на пятую минуту общения.

— Бля, Димок, — коллега по цеху Кирилл называл ещё и так, — Куда ты заханыжил гайковёрт?

— Лежит, где и всегда, Кирилл. Посмотри, я вчера убрал, больше не трогал. — для своей профессии, а был он авто-слесарем, Дмитрий был ужасно вежлив. И никогда не матерился.

— А-а, в натуре, извиняй, Димасик, мой косяк.

Кириллу было двадцать два года и он недавно вернулся из армии, а до этого — из Воронежского индустриального колледжа. По началу он даже обращался к Дмитрию на «вы», но, как и все, быстро освоился.

В сервисе было жарко. Лето, а кондиционеры не работают,

да и загруженность большая для такого периода. Дмитрий же, не смотря на жару, заварил крепкий чай.

— Дим, что там с «матизом» той поехавшей? — заглянул в комнату отдыха старший механик сервиса. — Все мозги уже вымахала!

— Со вчера готов, сцепление поменяно.

— Красавчик! Золотые, блин, руки, ещё бы не... А ты что, уже квасишь?

Дмитрийпил чай.

— Нет, Семён, стараюсь бросить.

Семён усмехнулся и ушёл. Дмитрий подтянул дрожащими руками кружку с горячим, почти что цвета и консистенции отработки, чаем. Глотнул и скривился. Онпил, но не чувствовал того, что должен чувствовать, когда *пьёт*. В чае не было градуса.

А ведь когда-то это не было проблемой.

Дмитрий вздохнул. Под половицей, за стиральной машиной, у него была затарена бутылка «Воронежского герба». В сервисе пить было нельзя. «Это другим нельзя, а я только машину лучше чувствовать начинаю», думал Дима, выливая чай в раковину и споласкивая кружку перед дезинфицирующим средством. Эх, теплая.

Вопреки слухам, ходящим среди знакомых Дмитрия, жена ушла от него не после, а до момента его пристрастия к водке. Онпил сначала чтобы унять обиду, потом просто по инерции. Иногда прекращал из-за стыда перед дочерью, ко-

торая осталась с ним после ухода Киры. Дима знал, что теперь он остался один у Насти и не имеет права оскотиниваться.

Настя искренне любила отца. Ей пришлось рано повзрослеть, но обиды на мир, а тем более на папу, она не таила. Отец делал для нее все, защищал и оберегал, никогда не ругал и, не дай бог, не бил. Худшим наказанием для нее было осознание, что она не ценит его, поэтому умела вовремя пресекать свои подростковые взрывки.

Ради единственного человека на земле, которому было не все равно на него, Дмитрий искренне стремился бросить пить, но когда Настя уехала учиться в университет, куда поступила на бюджет, его моральный компас уехал вместе с ней.

С тех пор он перестал быть Дмитрием. Его по прежнему уважали клиенты и коллеги — на собственном примере он убедился, что «опыт не пропьешь», но относиться стали попроще. Беззлойный, он принял все подколы и только отшучивался от особо назойливых.

Его верная собутыльница Тамара, по-простому — Томка, как-то пыталась закодировать его. Даже ей казалось, что он слишком налегает. Когда Дима резонно ввернул, что тогда им и видеться незачем, та как-то осеклась — нравилось ей время с ним проводить.

Лето шло к июлю и у Насти закончилась летняя сессия.

— Я приеду через неделю, папуль, очень скучаю, как ты

там живёшь вообще? А то может ты к нам давай, по Москве погуляем? — радостно чирикала она в трубку, пока Дима пьяным взглядом обводил квартиру. Ну и дыра. Годами нестиранные занавески, слой пыли повсюду, местами уже превратившийся в отвратительную лоснящуюся корку. Пустые бутылки на полу и запах притона.

— И да, папуль, я приеду с молодым человеком, ты не против? Ну я говорила про него, мы уже полгода вместе.

Дима не помнил. Нет, она явно что-то говорила в нечастых телефонных беседах, но он был не там, а где-то еще. Он ощутил, как жизнь, в лице его дочери, идёт вперёд. Молодой человек. А потом и муж. А там и дедушкой ему становиться. А он замер десять лет назад.

Пустая квартира, бардак, в котором черт ногу сломит, ведь тут он только ночевал, и то не всегда. Редки визиты Томки уже не помогали разгрести все это. И вдруг так больно ему стало и так обидно.

— Конечно, солнце, приезжайте. Я вас жду. — тихо сказал он на прощание.

Что такое боль, Дмитрий узнал на третий день завязки. Вынося мусор из квартиры, он нашел за диваном начатую, но недопитую бутылку кристально чистой водки. Под светом солнца, наполнявшим квартиру, жидкость маняще переливалась и просилась в стакан, а оттуда — вниз по пищеводу. Дрожащими руками он хотел положить отраву в помойное ведро, но промахнулся. Бутылка ударилась о плитку на полу

и разбилась. Собирая осколки, Дмитрий порезался и вскрикнул — не от боли, от страха, что водка попадет через открытую рану в кровь.

Неделю спустя Настю и ее избранника на вокзале встречал гладко выбритый, опрятный мужчина с лукавым прищуром и теплой улыбкой. Обняв уже не трясущимися после недельной завязки руками радостную дочь, он повернулся к парню, протягивающему ладонь для рукопожатия.

— Артем. — представился тот.

— Дмитрий Семёнович. — ответил на рукопожатие Дима.

— Приятно познакомиться.

День XXX

Игнат сидел на краешке кровати и нервно мял кончик своего выцветшего галстука. К его четвертому десятку детские нервные тики никуда не делись, напротив, добавился ряд новых. Рубашка из дешевой синтетики противно липла к потному телу, в висках пульсировало сердцебиение. Всему виной таблетка Виагры, проглоченная Игнатом пол часа назад для перестраховки. Игнат ждал шлюху.

— А вы выезжаете на дом? — уверенно блял он дрожащим голосом в трубку накануне. — У вас на сайте написано, что вы можете всякое, но где мы можем увидаться?

— Малыш, я могу не только всякое, я могу всякое разное, — прокуренный томный голос белокурой блядищи, на фото которой смотрел Игнат, вызывал подростковый трепет в его душе поэта. — Скажи адрес и время, я буду там и тогда.

Игнат нервно сглотнул. Кажется, она это услышала.

— Котик, ты первый раз вызываешь ангелочка? — ворковала в трубку Алевтина, если верить имени под ее фото и номером телефона на сайте «Ангелочки Воронежа» — Не волнуйся, я страстная тигрица, но для тебя я буду послушной кошечкой.

Чтобы показать, насколько кошечкой она может быть, Алевтина мяукнула в трубку. Закашлялась.

— Нет, что вы, я хочу тигрицу! — уже не блял, разомлев,

Игнат.

— Сладко, пупсик. Скажи, когда и где.

Отчеканив тогда адрес и удобное время, Игнат распереживался, стоило ему только проснуться в день X. «День XXX» — было отмечено нервным почерком перманентного маркера в его отрывном православном календаре. 17 сентября был днём Собора Воронежских святых.

— Что же я делаю? — Сокрушенно пробормотал устыженный сам собой Игнат.

Завтракая пустой яичницей, он все глубже погружался в тревогу от предстоящего прелюбодеяния. Непроизвольно попеременно дергались его глаза в лукавых подмигиваниях, раз в десять-пятнадцать секунд он тер нос тыльной стороной левой руки, а ноги озорно тряслись, будто он барабанщик метал-группы, отстукивающий соло на кардане.

Ближе к полудню, а это была суббота, Игнат вышел в аптеку. Ночная бабочка, с которой он договорился встретиться до темноты — отход ко сну в восемь вечера нельзя пропускать — проинструктировала его о необходимости контрацепции. Стоя в очереди в аптеке с преклонного возраста дамами из его подъезда, он сгорал от стыда, от души наливаясь пунцовым отблеском.

— Гондонов и Виагры! — выпалил он в лицо скучающей аптекарши, ставшее после его слов игривым. Ему даже показалось, что она подмигнула ему, когда пробивала чек. Впрочем, это могло и показаться — Игнат сам вымаргивал всю

азбуку Морзе от «я» к «а» и обратно.

Пакуя трясущимися руками по карманам свой блудный скарб под неодобрительные поцокивания старушек из очереди, он обвел взглядом помещение аптеки и торжественно ляпнул:

— С днём Собора Воронежских святых!

После визита в аптеку и цветочный, дома его ждал скромный обед. Тряслись его руки, пока он метал ложкой в пищевод едва теплый гороховый суп, тряслись они и когда он, забыв про необходимость жевать, метнул туда и котлетку покиевски. Побледнев, он осознал, что если он сейчас подавится, то ангелочек Алевтина не сможет его откачать — до ее визита он не дотянет без кислорода. Откашлявшись и попив грушевого компота, он побледнел вновь — зачем же он ел гороховый суп?

Затем, потянулись томные часы ожидания. Предвкушение грядущего греха лобызало теплый комок за грудной клеткой. Открытый отрывной календарь стыдил его, отчего на душе скребли послушные кошечки. Что-то в мыслях прикинув, он спрятал календарь в тумбочку. Затем, перекрестившись, он развернул иконы по всей квартире ликами к стене. Он не хотел навлечь на себя кару, но в глубине души чувствовал, что заслужил немного радости и женского тепла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.